

ЛУИС КАРЛОС ЛОПЕС

Перевод с испанского Овадия Савича *

Горячая земля

Густеет сумерек осадок мутный
на небе. Ночь, зевая, к нам шагнула.
А море — старец желчный и беспутный —
как будто морфия глотнув, уснуло.

Бессилие во всем. Свой отблеск смутный
на злой вечерний час зима плеснула, —
час краба и цикады неприютной
и бегства ласточки к горе сутулой...

А мельничные крылья-недотроги
трясутся, как в ознобе. По дороге,
таща крестьянскую телегу к дому,

волы проходят шагом обреченных,
неся в своих глазах опустошенных
печальную и ласковую дрему.

Сельские стихи

О весна-хохотушка, о весна-сердцеедка,
пастухи распевают, тамбурином бряцая,
безыскусные песни, потому что и ветка
и трава зеленеют, и поет птичья стая.

О весна, за тобою на осликах веселых
мы несемся в деревню, чтобы там пообедать;
погонявшись за зайцем по оврагам и долам,
и плодов деревенских и напитков отведать.

А когда на закате голубеют останки
зимних луж, зимней грязи за далекой межою,
мы с девицами пляшем, — это все хуторянки
с очень грубою кожей, с очень нежной душою.

---

* Луис КАРЛОС ЛОПЕС — Стихи (*Перевод с испанского Овадия Савича*) // *Поэзия Колумбии* (М.: Художественная литература, 1991), 62–92.

Некоммерческое электронное издание. «*Im Werden Verlag*», 2008.
<http://imwerden.de>

Ненаглядная, слушай: как аббат, я толстею.
Ваш алькальд уверяет, помоги мне Создатель,
что, наевшись сырами, я, как сливки, густею.
Впрочем, будь очень рада: и аббат мне — приятель...

Митинг

Из равновесья вышла
всеобщая обида, забыв,
что ждут ее насмешки, кнут и плаха.

«Апостол Права», шулер и обманщик,
во фраке и манишке,
на нищую, голодную ораву,
как фокусник, обрушил
роскошный фейерверк роскошных фраз.

Довел он всех проникновенной речью
до апоплексии энтузиазма,
и кровь толпе спокойно отворили
винтовками, штыками и хлыстами
ученые гвардейцы-преторьянцы.

А я, кой-как на крыше примостившись,
смотрел на столкновенье
(ведь я-то вовсе не «Апостол Права»)
спокойно, как седой мудрец, и только...

Грибы на кочке

I

Цирюльник деревенский в балетных туфлях реет, —
соломенная шляпа, жилет из полотна, —
картежник страстный, в церкви он на коленях прееет,
причем его пленяет «Вольтера глубина».

Подписчик «Либерала» щипцы и воду греет
и весел, словно рюмка игристого вина.
Пока он бритву правит, пока стрижет и бреет,
все сплетни всей округи он выдаст вам сполна.

С самым алькальдом вместе, с ветеринаром старым
(почтеннейшие люди! Читают требник с жаром,
святыми чудесами их голова полна)

бой петушиный судит и в кабачке болтает:
очески этой жизни он жадно подметает
и весел, словно рюмка игристого вина.

II

Алькальд в панаме грязной, замызганной и мятой,
трехцветный шарф из шелка надев наискосок,
пузатее Фальстафа в одежде мешковатой,
собой деревню красит, с лица — прямой бульдог.

Как пакля, рыжеватый и с грудью волосатой,
бумаги он скрепляет, втыкая в них клинок.
Чеснок с лапшой хлебая, он смотрит виновато,
расстегивает пояс и дышит на пупок.

Его жена, смазлива, нервна, самолюбива,
супруга держит в лапках весьма трудолюбиво,
ее любимый автор — игривый Поль де Кок,

и обожает бусы, и тонко брови красит,
пока супруг пузатый собой деревню красит,
в брелоках, как в медалях раздувшийся бульдог.

III

Он шепчет с тоской по ночам: «Доротея,
у нас — ни гроша...» И, вздохматив виски,
садится в свой угол и пишет, потея,
заметку, подвал, фельетон и стишки.

Провалится очередная затея, —
не плачет, протрет лишь глазные мешки.
А там — что за важность! К мечтам тяготея,
свистит с канарейкой и ест пирожки.

Он должен направо, налево, покоя
не знает; весь день бегодня, пируэты,
уловки и хитрости — только кружись!

А если спросить: «Что же это такое?» —
воскликнет он важно сквозь дым сигареты:
«Жизнь».

Шарманцику

Твоя печальная, разбитая шарманка
в ночи, под окнами, среди тоски и скуки,
как нежно-сладкая, чуть горькая приманка,
баюкает сердца и облегчает муки.

Ее печальные, надтреснутые звуки
плывут над душами, как горькая приманка.
Напоминая мне обиды и разлуки,
о, сколько говорит разбитая шарманка...

В ночи, под окнами, среди тоски и скуки,
летят печальные, надтреснутые звуки
как жалоба души, как горькая приманка;

баюкая сердца и облегчая муки,
ласкает и мои обиды и разлуки
твоя печальная, разбитая шарманка.

Летний вечер

Богач — это разбойник.

Иоанн Златоуст

В тени застывшей, уютной,
вдали от дневных забот,
целительный отдых минутный
на сельской площади ждет.

Свой взор, тяжелый и мутный,
уоставив в требник, идет
села монарх абсолютный,
не глядя на глупый народ.

Он в рясе, как в пышной попоне;
на бедность родного края,
на горе ему наплевать.

А я стою на балконе
и чищу ружье, не зная,
в кого же я буду стрелять.

Из моего окна

Вид разбит почтенным дубом
пополам. Луна безрога.
Ветер кажется безгубым
на полях, где недотрога

мельница краснеет. Кубом —
холм зеленый. От порога
в синеву рисунком грубым
устремляется дорога.

По другую руку ярки,
как веселые помарки,
в поле краски хуторка,

водопад в припадке бьется,
и змеей в чешуйках вьется,
преломляя свет, река...

Утренняя прогулка

Бахчи крестьянские, — их дальний предок
развел. Четыре сточенных угла
колодца, с грыжей схожего. Наседок
кудахтанье и стойло для осла.

На изгородях, там, где напоследок
листва дубов над тропкой замерла,
защита от соседей и соседок —
торчат осколки битого стекла.

О, свежий дух разворошенной грядки,
навоза острый аромат!.. Украдкой
мне хочется забраться в скотный двор

и жить во сне без городских привычек,
вдали от мелких ежедневных стычек,
как в угол брошенный тупой топор.

Маленькая хромофотография

Воскресная хандра, тоска безделья
по всей округе. Кажется, село
среди бела дня, с похмелья
и переевшись, дрыхнет тяжело.

Ни хода крестного, ни новоселья.
Вдали — лагун зеленое стекло
и ни пятна веселья.
У Феба предынсультное чело.

В морщинах лысый холм, а испаренья
блестят, как будто варят там варенье;
над крышей цвета ядовитых трав

одна труба еще должна трудиться,
торчит сигарой, медленно дымится,
вонзаясь в небо, как большой бурав.

Казус

Худа, суха, бледна, потлива,
по-стародевичьи дурна,
о деревенских днях тоскливо,
упрямо думает она.

Ей жить бы с выводком болтливой
домашней птицы; допоздна
колодец проверять пытливо
и воду доставать со дна;

заутреню прилежно слушать,
потом благоговейно скушать
одну облатку натошак

и помыслов не пачкать вздорной
шестою заповедью, порно-
графической. Да будет так!

Кочевник Матео

Он знает полмира, чудак, музыкант бродячий,
кочевник, шагавший по всем дорогам страны.
Копна волос, как у трагика, глаза бычачьи,
большие глаза от мечты и страсти темны.

Был даже монахом, лечил, разъезжая на кляче,
водился с бандитами и не жалел спины,
торгуя вразнос; искал по притонам удачи,
спал во дворцах и в больницах, ища тишины.

Длительною одиссеей своей утомленный,
сегодня застрял он здесь, в деревушке сонной,
чтоб завтра — не зная куда, зачем, — босиком

по неизведанной новой дороге пуститься,
всегда одинаковый, всюду редкая птица,
свою бессловесную грусть латая смычком.

Пастырь души

...и не будете как дети...

Евангелие от Матфея

Он на амвоне встал, как вылитый из стали;
ему б еще гора, и молния, и гром,
чтоб предъявить глупцам священные скрижали
и чтоб от грешников очистить Божий дом.

Его глаза глядят в неведомые дали,
не видя ничего, — безумия симптом.
Заучен каждый жест и в гневе и в печали,
и реет борода, как знамя над полком.

Прельщая прихожан загадочной приманкой,
он говорит с такой внушительной осанкой,
так груб его словарь, он так суров с людьми,

что все уверены: он потрясет и мебель,
священнодействуя, как на плацу фельдфебель.
Зато уж никогда не станем мы детьми.

На палубе баржи

Имей смелость
сбросить с себя покровы.

Петер Альтенберг

Гляжу на суда, на море.
Летит вдали альбатрос.
А вечер в желтом уборе...
Смола ударяет в нос.

Луна с облаками в ссоре,
и ветер ее унес.
На суше порылся в соре
и лапу приподнял пес.

Все пахнет дегтем, брезентом.
Волна обдает, и под тентом
миллионами мелких слез.

Закон атавизма, быть может, —
но хочется сделать то же,
что сделал только что пес.

Маленький автобиографический пролог

I

Читатель! Над обрывом каменистым
и роковым, где отупело-жалкий
народ глотает лед с вином игристым,
пленился я прелестною фиалкой.

Но пресекли порыв мой в поле чистом
нелепый мотоцикл с коляской валкой,
и лимузин, несущийся со свистом,
и воз, где палки связаны мочалкой.

Меня мутило, и с погасшей верой, —
цветок-то был еще одной химерой, —
накинув плащ, я принял черный жребий.

Казалось мне, что небо в это время
желтей, чем канареечное семя,
а солнце, наш отец, лишь пончик в небе.

II

И я пошел тропинкой... Так и буду
идти, держась подальше от дороги.
Ведь сердце, как бродяга-нищий, чуду
не верит, в обществе не ходят ноги.

Шагаю без свидетелей повсюду,
ведут меня не Диоген, не боги.
И что мне сельский лай, — тотчас забуду, —
псов анонимных, что мне их тревоги!

Один, спокойно, я иду по тропке
и не боюсь, что над цветком, в торопке,
под колесом оставит жизнь повеса.

А если где-то за углом девица
отдаст мне сердце, — нечему дивиться:
я знаю, что цена ему — пять песо.

III

От времени до времени в «апреле
цветущем» в город надо мне спуститься...
О город мой святой, где свет узрели
и Нуньес и Антония-юница!

И вот уж до смерти мне надоели
я сам, и ты, и все, и вся, и лица
и мчусь обратно, как в гнездо на ели
общипанная раненая птица.

Но жертвую — притом навеки — свету
здоровье, деньги и книжонку эту,
совсем не музыку, всего — настройку.

Она гроша не стоит, несомненно,
и ты, читатель жирный и надменный,
ее, конечно, бросишь на помойку!

Моему родному городу

Печальный град, вчера —
владыка моря.

Хосе Мариа Эредиа

Ты был для предков — золотая манна
и все забыл, мой город грязно-белый.
Где времена креста, меча, обмана?
Когда погас светильник закоптелый?

Эпоха авантюрного романа
окончилась. На рейде каравеллы
не выплывут из зыбкого тумана,
и не в горшки льют масло маслоделы.

Во времена колониальной были
твои сыны едва ли походили
на воробьев, трещащих без запинки.

Сегодня в затхлости нечистоплотной
внушаешь ту же нежность безотчетно,
как стоптанные, старые ботинки.

Стихи к луне

Луна, ты над церковной крышей встала,
и в тишине плывет твоя ладья.
Приветствует тебя гуляка вяло,
псы воют, по тебе с ума сходя.

О, сколько раз ты молча хохотала!..
Минувшей ночью, звезды уводя,
на пустыре грабеж ты увидала,
а вором был сам городской судья...

О странница печальная, нагая,
в немом пространстве так красноречиво
зовешь ты всех, кто жизнью смят давно;

и в погребке, тебе стихи слагая,
неврастенические барды с вшивой
копной волос играют в домино.

В Гуамбаро

...Поздравляем новобрачных,
которые служат украшением
лучшего общества Гуамбаро...

Из газет

Марио Карвахалю

Какая свадьба на селе — смотрите!..
На жениха узду надеть пора —
подвержен приступам словесной прыти,
он жаждет в ратуше болтать с утра.

Невеста не совсем урод; открытий
не сделает; немножечко стара;
зато умеет шить, стирать в корыте,
и как готовит — что там повара!..

О ты, любовь с утиными крылами!
Тебя не тронет сильной страсти пламя,
ты прочно сохранишься, как в спирту,

не побывав в лирическом пространстве,
где чайки в поисках свободных странствий
в часы заката гибнут на лету!

Тропический полдень

Воскресный день, полдневный жар. Кипенье
лучей до слез слепит.
От лени в утомленье
колодой полицейский в будке спит.

Совсем без вдохновенья
пес камни старой паперти кропит.
У жирных мух — желудка несваренье,
а хор цикад хрипит.

Пустыня, одиночество, кладбище...
Но в деревушке нищей
кончается неожиданно

воскресного бездействия пора;
истошно крикнул пьяный:
«В честь либеральной партии — ура!»

Дворовой собаке

Все одинаково, везде одно и то же.

Фенелон

Несчастный пес,
живешь щедротами помойных ведер, —
и, как любой политик, — ты боишься,
что избыют метлой при всем народе.

Выискиваешь корм
среди объедков, мусора и крошек —
и, как любой политик, — вызываешь
завистливый протест бессильных мошек.

И воешь по ночам,
отбросами объевшись безобразно, —
и, как любой политик, — свято веришь,
что месяц — только сыр шарообразный.

Несчастный пес,
в испуге поджимаешь хвост смиренно, —
и, как любой политик, — ты не знаешь,
что значит приступ бешенства мгновенный.

Стихи для тебя

И все же знаю —
ты сожалеешь...

Беккер

Люблю тебя очень. Был вечер, луна, перекресток.
Увидев тебя, задрожал я, от страсти горя,
как перед пирожными с кремом сладостена-подросток;
стоял я у старого уличного фонаря.

Я помню все мелочи этой минуты, любую
ничтожную мелочь: смешным шимпанзе неспроста
кривлялась тень нищего, падая на мостовую;
дверь скрипнула, мальчик ударил ногою кота.

И вот ты прошла... И, пройдя, мне не кинула взгляда,
а взгляд твой параден и светел, подобно заре.
И так загрустил я, как будто в преддверии ада,
и мне захотелось повеситься на фонаре.

Среда заела

— Папа, а кто такой король?
— Молчи, дитя, ты меня компрометируешь.

Свифт

Мой добрый друг, благородный Хуан Беспрозванный,
веселых студенческих лет товарищ шальной,
вчера — артист гениальный, шутник неустанный,
теперь живет в деревушке с детьми и женой.

Он лыс и пузат. Улыбается деревянно,
завидев алькальда, купца... Где выход иной?
Вопрос пропитанья, чтоб «зингера» беспрестанно
в ломбард не носить, хоть ломбард — помощник дурной.

Химеры юности — дело и славы и чести, —
мечта и безумье, казалось, огромной мощи
канули в вечность, как камень, что брошен в ручей,

от проповедей поповских, прослушанных вместе
с супругой своей благоверной, с детками, с тещей...
Ах, черт! Как хочется плакать от этих вещей!

Ночь в населенном пункте

Цвела весна
семью цветами света.

Гонгора

Село под тропиком, а час вечерний,
медлительный. Но — колокольный звон,
и вот проходят дамы от вечерни,
и дверь тоскливо издает свой стон.

Потом, как колотушкой, башмаками
стучит батрак. И как пахнёт в саду
горячим шоколадом, пирожками,
сырами, коржиками на меду!

А там, где ночь от взглядов укрывает,
аккордеон заблеял, как баран:
очередную дуру подзывает
к стене конюшни местный донжуан.

Один аптекарь, мой сосед унылый,
бесстрастно бодрствуя, глядит в глазок,
чтоб дать кому-то с жестами сивиллы
за два сентаво рвотный порошок.

Луна со своего большого ложа
обводит церковь выпуклым пером.
Опухшая луна на флюс похожа,
а церковь — словно соска с пузырьком.

«Улицы Картахены»

Улица Лосано

Аортой города была бессменно,
душой архаика и футуриста,
дыша добром и злом одновременно,
рожденными испанскою конкистой.

Являясь с четырех концов вселенной,
здесь сходятся биржевики, туристы,
сутана, тога и палаш надменный,
Венера, Вахх и забияка истый...

Стоишь как перед человеческим лесом:
он весь дрожит, внимая резким крикам
гудков... Так вот последствия урока,

который дан божественным прогрессом,
принесшим некогда индейцам диким
с крестом и шпагой вместе — Гонококка.

Улица Распаханного поля

Она грязна, не мощена, щербата.
Здесь проживает родственник мой прыткий,
по имени Ригайль, с лицом Сократа.
А лавка у него — одни убытки!

Там рядом вакса, солонина, вата,
тома Барохи, кружева и нитки,
стальной кинжал, ночной горшок, лопата,
японские фонарики, открытки.

Но имя улочки безвестной дети
из уст своих учителей услышат;
судьба в тетрадке жизни ставит иксы,

а здесь, вот здесь, родился тот, кто эти
бессмертные стихи сегодня пишет
в честь португальского величья. Dixi ¹.

---

¹ Я сказал (*лат.*).

Улица Масляного фонаря

Нику де Субириа

Узка и преднамеренно горбата,
взята из авантюрного романа, —
последний след любовника, пирата,
плаща и шпаги, маски и кафтана.

Типична так, что, кажется, когда-то
ее построили для Дон Жуана...
Но где былой фонарь, подслеповато
чадивший и трещавший у фонтана?

Нет, век ночей колониальных прожит;
романтика бежала без оглядки
от электричества и от соседства

с бензином и асфальтом. Не предложат
на людном перекрестке вам украдкой
жизнь восстанавливающего средства.

Улица Тележная

Мустафе Кемалю с искренним уважением

Лавчонки, и лавчонки, и лавчонки,
и в каждой — турки, турки... Где причины,
что пол-Стамбула, дети и пеленки,
свалились с неба в эти палестины?

Картонки с лентами, без лент картонки,
иголки, нитки... Сидя у витрины,
купцы жуют весь день наперегонки
арбузы, редьку, огурцы, маслины...

Но, презирая рыцарей наживы,
вторгаются скрипучие телеги
в захваченные Турцией пределы.

Телеги ископаемые живы,
хотя давно исчезли их коллеги —
тотем, сосуд из тыквы, лук и стрелы.

Улица Цветов

На улице, унылой, как поминки,
где по названью к чуду ты готов,
нет ни цветка и даже нет травинки,
она ж зовется «улицей Цветов»!

Пустырь, задворки... Ни одной тропинки
для тайных нежных встреч среди кустов.
Нет на лице предместья ни кровинки
в эпоху мудрых «городских отцов».

Увял букет, в куски разбита ваза,
и куры с мусорной слетают кочки,
спасаясь от ободранных котом;

а гниль страшна для носа и для глаза,
как содержимое известной бочки...
И это все — на «улице Цветов»!

Улица Кладбищенская

Она — косой зловещий глаз предместья,
глядящий в темноту, — похоронила
всех мертвецов и порозну и вместе,
а каждому была страшна могила.

Сеньор священник, говоря по чести,
в такой дыре есть дьявольская сила,
хоть ваша церковь, как свое поместье,
погост благословила, окропила.

Вампиры, крысы, черные собаки,
оборванные ведьмы, злые дети,
дома-берлоги и глухие стуки,

зловонье хлева и кошачьи драки, —
на этой улице все штуки эти,
конечно, доктор, — дьявольские штуки!

Улица Вице-короля

На солнце спит, желаний не имея,
а как была резва, высокочтима
в век круглых шляп, дуэньи и лакея,
мантилий, шпаг и уличного мима!

Последнее убежище Морфея,
где только моль одна неутомима, —
ее не расколдует даже фея,
а жизнь на цыпочках проходит мимо.

Лишь под вечер десяток привидений
крадется в церковь для полночных бдений,
как воры на поле, где пала рать,

чтоб после проповеди в подворотне,
не торопясь, повзводно и поротно,
по косточкам соседей перебраться.

Улица Вертящейся полки

Антонио Сеговиа-и-Лавалье

Был женский монастырь вот в этом зданье —
отсюда и названье. (Тут страницы
такие можно вспомнить в назиданье!..
Но, церкви сын, не перейду границы.)

Сегодня здесь больница. Мирозданье
не видело второй такой больницы!
Кто хочет облегчить свое страданье,
здесь не найдет припарки из горчицы.

А рядом поселилась итальянка,
ее глаза — огонь, а грудь — два танка:
среди бела дня на улице атака!

Красавица и мертвого готова
поднять из гроба, но зато живого
в больницу уложить... *Согро ди Вассо!*²

---

² Итальянское ругательство.

Моему дому

Мой бедный дом, где обитали предки!..
Купить бы мне тебя и подновить
балконы, крышу, лестничные клетки,
по запыленным залам походить

и, в пустоте твоей найдя пометки
забытые, бывшее беречь;
у входа — пусть сидят, как две наседки, —
швейцара с попугаем посадить...

Не дом — скелет, и не ларец — котомка,
убежище вампиров и лягушек,
где солнце — точно выцветший жетон,

что знаешь ты о горестях потомка, —
ему не наскрести и двух полушек,
купить тебя, увы, не может он!

Предупреждение

Камиле Вальтерс, члену жюри

Меня венчать короной!.. Не хотите ль
явиться в роли злой и глупой пьевки?
Что я — Христос? Какой я «искупитель»?
Я неплательщик бакалейной лавки!

Хоть денег дали бы!.. Как гордый зритель,
в сопровождении лохматой шавки,
гулял бы я, лохматый небожитель,
слагая песнь при виде каждой травки.

По-оперному был бы я хорош,
и красовался б над моей персоной
ваш подлинно божественный венец;

продав его ростовщику за грош,
я полетел бы без короны оной,
но с шавкой, с трубкой, — прямо в «кабачек».

После покушения

Увенчан я!.. Добились, увенчали
и предумышленно и вероломно
за тот несчастный грех мой, что в печали
порою я кропал стишки нескромно.

Рога расчетливо и зло звучали:
вдали от родины — норы укромной,
не затравив собаками вначале,
как зверя, обложили ночью темной.

Теперь постановление безусловно:
покамест лавры трубадура вянут,
шепнут, что не гожусь и в судомойки,

венки напялят на чело и, словно
холодному сапожнику, мне станут
твердить: «Сапожник, знай свои набойки!»

Хуан-нищий

Хуан, мой соотечественник славный,
бродяга, нищий, с бороденкой редкой
и взглядом идиота, — не бесправный,
не круглый нуль, как воробей на ветке.

Был странствующим музыкантом в давней,
далекой юности. И ныне метко
грешит фальшивой нотой, слишком явной,
лишь встретившись с богатою насадкой.

Из города, как блудный сын порочный,
скрывается совой во тьме полночной,
и не найдешь его и днем с огнем.

Потом опять является, незванный,
с бутылкой для воды в котомке рваной.
(А плещется в бутылке белый ром.)

Школьному товарищу

Достоинство человека — это его дела.

Баронесса де Вильсон

Ну как не сравнить твоё и моё положение!
Зубрили мы вместе и греческий и латынь.
В те годы олимпийского головокруженья
не был твой лоб похож на корки гниющих дынь.

Теперь же просто волшебны твои достижения:
ты академик и дрыхнешь на шелке простынь,
а брюхо копилки страдает от растяженья,
тогда как я в сетях долговых бьюсь, словно лить.

Ты приобщился к политике. Я ж — нуль, не боле.
Ты едешь в автомобиле. Меня через поле
кляча несет, не отравляя воздушных сфер.

На улице ты серьезней, чем надпись над моргом,
а я тебя неизменно встречаю с восторгом
едкой улыбкой, которую славен Вольтер.

Другу

Любовь, о, как меня ты утомила!

Данте

Старик, что стало с тобою? Так пьются раки...
Надреснутый голос супруги тебя извел,
и вместо того, чтоб на все отвечать ей: «Враки», —
ты с ней неизменно кроток, как в упряжке вол.

Ты был веселым задирой. В мистическом браке
ты пугалом стал, одуванчиком ты отцвел.
А помнишь, как ночью однажды, в случайной драке,
убил ты наглого янки: он ссору завел.

Я сказал тебе все... Но ты получил припарки
супружеские. Кричит: «У меня нет кухарки!»
Ворчит: «Не купил корсета — такой произвол!»

И, сюсюкая, запрещает со мной встречаться:
«Он плохой человек, безбожник, хуже паяца...»
Что ж ты отвечаешь? Молчишь, как в упряжке вол.

Сезам, откройся!..

*Даниэлю Леметру,
художнику, музыканту и поэту*

Чахотка злая моего кармана,
в котором нет ни одного сантима,
толкнет меня на страшный путь обмана
и кражи, если ты неумолимо

отвергнешь дар почти что клептомана:
колечко с ящерицей, еле зримой;
глаза блестят, сама чуть-чуть жеманна, —
тем самым — ценности неоспоримой.

Художник, музыкант, поэт прелестный,
промышленник, доходами известный,
от горя можешь ты меня избавить

и даже медом напоить и млеком,
ответив мне одним солидным чеком
на сумму... (Цифру прописью проставить.)

Старость

О старость, ты — мой путевой указчик!
Возврата нет, но время не насилуй,
Фалернского вина, душеприказчик,
последнего не разбавляй! Помилуй!

Скороговоркой не кончай, рассказчик!
Еще мой приговор не входит в силу
и не сколочен мой сосновый ящик.
Пусть подождут копать мою могилу!

И если седины еще не холью
и белизной зубов я над глупцами
и мудрецами издеваюсь вволю, —

не говори, что это — блеск обманный,
как «синева небесная над нами»
и как «румянец бедной доньи Анны»!

*

Не отравляй последние мгновенья,
не дай мне в злой, томительной тоске
недужным перейти рубеж забвенья
и задохнуться рыбой на песке.

Уже сегодня боль без сожаленья
желудок жмет в железном кулаке,
лишь съем я то, что для пищеваренья
детей легко, — овес на молоке.

И если хочешь ты к небесным высям
вести меня, как жизни отщепенца,
хромым, беззубым, кривоногим, лысым, —

то позову я черта на защиту,
чтоб выкинуть последнее коленце,
как Фауст, и влюбиться в Маргариту!..

Погребение

Слушайте, что говорят люди,
когда проезжает гроб.

Кампоамор

Когда уйду из жизни жалкой,
немало дам вздохнет в тоске.
(С Инес встречался я за свалкой,
с Хуаною — на чердаке.)

Бубнит аббат, уныл, как галка,
фарс на латинском языке;
в цилиндре кучер катафалка
мертвецки пьян на облучке...

Два-три венка, плохие речи,
а я беспомощен!.. «Что, печень?» —
персоны важные шепнут.

А Исабель, Росита, Хлоя
воскликнут: «Сердце золотое!» —
и про себя: «Какой был плут!»

Комментарии

ЛУИС КАРЛОС ЛОПЕС (LUIS CARLOS LÓPEZ, 1883?—1950). Поэт, профессор медицины, общественный деятель. Завоевал широкое признание у себя на родине и далеко за ее пределами как яркий мастер социальной поэтической сатиры. Эпиграфы к его стихам часто являются мистификацией. Автор стихотворных сборников «Из моего захолустья» (1908), «Затруднительные позы» (1909), «Кратчайшим путем» (1920) и других. Русского читателя с его творчеством познакомил О. Савич, в переводах которого дважды публиковалась книга стихов Луиса Карлоса Лопеса.

Сельские стихи

Алькальд — глава муниципалитета.

Митинг

Преторианцы — в Древнем Риме императорская гвардия.

Грибы на кочке

Поль де Кок (1793—1871) — французский писатель-юморист.

Казус

Шестая заповедь — «Не прелюбодействуй».

На палубе баржи

Петер Альтенберг (наст. имя и фам. Рихард Энглендер; 1859—1919) — австрийский писатель-импрессионист.

Маленький автобиографический пролог

Нуньес Рафаэль (1825—1894) — колумбийский писатель и политический деятель; трижды был президентом страны.

Моему родному городу

Хосе Мариа Эредиа-и-Эредиа (1803—1839) — кубинский поэт, основатель национальной романтической школы.

В Гуамбаро

Марио Карвахаль (1896—1972) — колумбийский поэт.

Дворовой собаке

Фенелон Франсуа (1651—1715) — французский писатель.

Стихи для тебя

Беккер Густаво Адольфо (1836—1870) — испанский писатель-романтик.

Ночь в населенном пункте

Гонгора-и-Арготе Луис де (1561—1627) — испанский поэт-новатор, тяготеющий к усложненной метафоричности.

Улица Распаханного поля

Бароха Пио (1872—1956) — испанский романист.

Улица Тележная

Мустафа Кемаль Ататюрк (1881—1938) — руководитель национально-освободительной революции в Турции (1918—1923) и первый президент Турецкой республики (1923—1938).

Улица Вертящейся полки

Вертящаяся полка. — В католических монастырях в стены порой вместо окошек вделываются вертящиеся полки, чтобы, передавая предметы, монахи и миряне не видели друг друга.

Предупреждение

В 1940 г., находясь в Балтиморе, Лопес узнал, что на очередных литературных состязаниях ему собираются присудить «венок». «Предупреждение» было написано в ответ на это известие. Сонет «После покушения» — в ответ на состоявшееся «увенчание».

Школьному товарищу

Баронесса де Вильсон (наст. имя и фам. Эмилия Серрано Гарсия дель Торнель; 1839—1922) — испанская писательница.

Погребение

Кампоамор Рамон де (1817—1901) — испанский поэт.